

странная доктрина, придерживаясь которой, должно было бы признать, что в движении искусства, начиная с XVII в., обнаруживается некое фатальное зияние, разрыв. Ступи мы на путь развития этих идей — и окажется, что все искусство нового времени сугубо рационально. Единство культуры, таким образом, становится проблематичным. Не слишком ли много чести для картезианской мудрости? Но если обрыв существовал в действительности, то мы, воспитанные искусством XVII—XX вв., попросту не в состоянии были бы воспринимать и переживать произведения, скажем, средневековой литературы. Собственно, этими — скорее эмоциональными, нежели строго логическими — доводами можно пока и ограничиться, тем более что все дальнейшее изложение подчинено стремлению опровергнуть мысль о пропасти, отделяющей новую литературу от предшествующей ей.

Ниже я попытаюсь показать продуктивность одного из сложных архетипов для словесного искусства, создаваемого в условиях господства личной традиции, а именно — для романа. В ходе анализа неизбежно обнаружатся разноречия с концепцией происхождения романа в том (наиболее интересном сейчас) виде, как она сложилась у Бахтина. Бесспорно, что ряд романов действительно восходит к карнавальному архетипу, с которым связаны и Сократические диалоги, и Мениппова сатира, т. е. круг промежуточных жанровых явлений, расположенный между мифолого-обрядовыми «первообразами» и романом. Однако, судя по всему и вопреки Бахтину, генезис романа был не моноцентричным, а полицентричным. Далеко не все романы могут быть сведены к карнавальному архетипу (в том числе и романы Достоевского).

Я исхожу из предположения, что архетипом одного из классов романа (возможны и другие классы, а следовательно, и другие архетипы) является волшебная сказка. К счастью, именно волшебная конструкция изучена к нынешнему времени очень полно как в отношении инвариантной сюжетной схемы, единой для всех текстовых воплощений сказки, так и в отношении генезиса. Это значительно облегчает задачу, поставленную в статье.

Анализ будет вестись и на уровне функций персонажей (точнее, групп функций) и на уровне мотивов и символических атрибутов.²⁴ Первое предполагает обязательное установление общности между сказкой и романом не только в наборе функций, но и в правилах их сочетания. Второе можно рассматривать в качестве усиливающего момента исследовательской аргументации, так как для доказательства выдвинутого тезиса хватило бы и разбора на первом уровне.

Следует предупредить, что данная работа носит разведочный характер и не претендует ни на полноту анализа привлеченного материала, ни на непогрешимость выводов. Представляется, что пока важнее доказать правомерность развиваемого здесь взгляда на новую литературу, чем усовершенствовать подход в деталях.

Для начала удобнее всего будет выбрать произведения из литературной продукции двух эпох — переходной эпохи XVII в., которая опреде-

²⁴ О различении функций и мотивов см., в частности: В. В. Иванов, В. Н. Топоров. К реконструкции праславянского текста. — Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963). М., 1963. «Под функцией... — заявляют исследователи вслед за Проппом, — имеется в виду отношение, в котором могут находиться друг к другу некоторые предметы. Если указано не только это отношение (функция), но и сами предметы, то в таком случае возникает мотив» (стр. 112).